И.В. Зозуля,
кандидат исторических наук,
кандидат юридических наук

ВЛАСТЬ, ОБЩЕСТВО И ПРАВОСУДИЕ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Сегодня, когда в России продолжаются процессы как по укреплению законности в целом, так и по реформированию судебных институтов в частности, немалая роль в достижении желаемых результатов на пути к установлению истинного правосудия зависит и от правосознания граждан нашего государства. Наряду с действенными механизмами такой работы органов центральной и местной власти, именно общество должно сыграть основную роль в воспитании законопослушного гражданина, способного не только соблюдать законы своей страны, но и своим примером как бы превентивно предотвращать правонарушения других членов общества.

Трудности, сопутствующие сегодня этим процессам, встречались в истории России и раньше. В этой связи, на наш взгляд, является небезынтересным обращение к особенностям работы органов юстиции Российской империи на местах, действиям местных властей и населения, направленным на снижение уровня преступности.

В качестве объекта исследования выбраны судебные институты казачьих областей Северного Кавказа начала XX в., представляющие особый интерес из-за их многонационального состава населения. Завершение в 1864 г. Кавказской войны позволило провести административные и судебные преобразования на этой территории.

Послевоенное строительство мирной жизни на Кавказе диктовало необходимость скорейшего принятия кардинальных мер в судоустройстве и судопроизводстве казачьих областей, выведенных в свое время из-под юрисдикции общероссийского законодательства. В областях, населенных до 1864 г. главным образом казачьими войсками, горскими народами и незначительным числом гражданских лиц из числа переселенцев, существовала двойственная правительственная власть: военно-административная для большинства населения и гражданская для жителей городов и слободок.

Столь же разнообразной была и судебная система, создававшая значительные препятствия работе органов правосудия. Эти неудобства, создаваемые местной администрацией, казались неустранимыми, пока не было уверенности в «прочном успокоении» недавно

завоеванного края. Главнокомандующий Кавказской армией в отчете императору о состоянии дел в крае только к концу 60-х гг. XIX в. смог указать, что потребность общения горцев с русскими стала настолько реальной, что дальнейшее нахождение населения Кубанской и Терской областей в ведении исключительной администрации являлось невозможным и требовало гражданского развития[1].

С 1 января 1871 г. открылись Екатеринодарский и Владикавказский окружные суды с прокурорским надзором, судебные мировые и следственные участки, нотариальные архивы и конторы. С этого же времени произошли изменения и в устройстве Кубанской и Терской областей. Областным центром Кубанской области стал город Екатеринодар, а Терской – Владикавказ. Кубанская область разделялась на 5 уездов: Екатеринодарский, Ейский, Темрюкский, Майкопский и Баталпашинский.

Терская область делилась на 7 округов: Владикавказский, Георгиевский, Грозненский, Аргунский, Веденский, Кизлярский и Хасав-Юртовский[2].

Однако незавершенность политики реформ Александра II сказалась и на судебных преобразованиях Северного Кавказа. При окружных судах казачьих областей не был введен в действие суд с участием присяжных заседателей. Что же касается существующих мировых судов, то судьи в них не выбирались, как это было предусмотрено судебными уставами 20 ноября 1864 г., а назначались наместником на Кавказе. Вместе с тем новый суд в значительно большей степени, чем дореформенный, был приспособлен к защите прав и свобод человека. Поэтому несмотря на наличие серьезных изъятий из пореформенного судебного законодательства, проведение судебной реформы на территории Терской и Кубанской областей стало существенным шагом по пути становления новой судебной системы, основанной на буржуазных нормах и принципах права.

Окружные суды административно-территориальных образований Северного Кавказа дали возможность населению региона увидеть в действии эффективность нового судебного законодательства и позволили сделать шаг вперед по пути сближения горского и русского населения на Кавказе. Отсутствие суда присяжных, безусловно, воспрепятствовало местному населению принять непосредственное участие в разрешении уголовных дел в судах и приобщиться к правовым знаниям. Однако сам факт распространения действия судебных уставов 1864 г. на Кубанскую и Терскую области, Ставро-

[1] См.: Всеподданнейший отчет главнокомандующего Кавказской армиею по военно-народному управлению за 1863 –1869 гг. СПб., 1870. С. 118.

[2] ГАСК. Ф. 398. Оп. 3. Д. 125. Л. 266, 266 об.

польскую губернию привел к целому ряду положительных результатов, среди которых самым значимым является вхождение Кавказского края практически на равных в общероссийскую судебную систему империи.

Вслед за периодом контрреформ 80 – 90-х гг. XIX в., которые в силу произведенных изъятий не оказали значительного воздействия на судебную систему региона (за исключением закона о земских участковых начальниках, упразднившего институт мировых судей в России), перед местной властью казачьих областей в начале XX в. населением были поставлены задачи по завершению начатых Александром II судебных преобразований. Причин для этого было несколько.

Так, во-первых, несмотря на ряд правительственных мер, действий местных властей, судебная система Кавказа в значительной части сохранила прежнюю многоступенчатость судебных органов, существовавших параллельно, для разных групп населения (см. табл. 1 и 2).

Таблица 1

Сведения об осужденных по приговорам Екатеринодарской и Кубанской областей в 1901 – 1915 гг.

Год	Число осужденных в Екатеринодарской области			Число осужденных в Кубанской области		
	Войсковых сословий	Других сословий	Всех	Войсковых сословий	Других сословий	Всех
1901	1006	1731	2737	4751	17686	22437
1902	775	1463	2238	7989	18664	26653
1903	948	1677	2625	3826	11535	15361
1904	1124	1923	3048	1647	2573	4220
1905	160	1335	1495	4367	11411	15778
1906	1063	1980	3043	6086	12220	10306
1907	990	2023	3013	6398	14002	20400
1908	637	997	1634	6723	12435	19158
1909	94	599	693	5793	15065	29858
1910	314	650	964	6639	15172	22111
1911	485	805	1290	6414	13811	20225
1912	1065	2754	3819	2515	3505	6020
1913	536	1328	1864	7116	20763	27879
1914	611	1409	2020	2751	14306	17057
1915	570	8318	8688	1945	16992	18937

Как свидетельствуют отчеты мировых судей Кубанской области, многообразие судов, инстанций и порядка производства дел, соз-

данное для постепенного введения общих судебных органов Российской империи в контексте проведения политики умиротворения на Кавказе, «не могло быть признано нормальным»[1].

Принимая во внимание, что эта сложная система судоустройства была характерна и для Терской области, можно представить, какое огромное число населения было вынуждено страдать от существующих затруднений в разрешении своих дел в местных судах.

В Кубанской и Терской областях существовало, без мирового института и окружных судов, четыре формы местных судов: станичные и хуторские, слободские, аульные и горские словесные суды[2]. По мнению мировых судей, их было «слишком много не только для простого мужичка, но даже для юриста»[3]. Каждый из них настолько отличался своими особенностями в размерах подсудности и наказаний, в производстве, апелляции, кассации, что знакомство с одним из этих судов не давало практически никаких данных для понимания работы других. И это при том, что такой порядок ведения дел не только не способствовал дальнейшему проникновению общероссийского судебного законодательства, нарушая один из основных принципов – установление в России бессословного и равного для всех суда, но, напротив, препятствовал созданию однообразного судопроизводства, разобщая местное население в решении судебных дел по сословному и национальному признакам.

Интересны мотивы, побуждавшие из всего многообразия судебных институтов останавливать свой выбор на мировых судах, уходя от обсуждения и решения дел в своих судебных органах. Волостные судьи решали дела на основании норм обычного права, что нередко приводило к вынесению совершенно противоположных приговоров по аналогичным делам[4].

Не были исключением и случаи формального, а подчас и безответственного отношения станичных обществ к ведению гражданских дел в суде, что также объяснялось отсутствием правовой культуры. Отсутствие ясных понятий о звании судьи, безграмотность и – как следствие – полная зависимость правосудия от «всемогущего и очень опасного писаря, – по мнению мировых судей, – даже честного судью» ставили «в ложное положение» перед «тяжущимися». В сложившихся условиях сама жизнь подтолкнула крестьян в решении спорных вопросов обратиться к помощи мировых судей. Помимо указанных мотивов, такой выбор крестьян был вызван и исключительно

[1] ГАКК. Ф.482. Оп. 1.Д. 121. Л. 50 об.

[2] Терский календарь на 1911 г. Владикавказ, 1910. С. 181.

[3] ГАКК. Ф. 482. Оп. 1. Д.121. Л.7 об.

[4] См.: *Кротков.* Волчье стадо. Записки провинциального адвоката. Сцены и картины сельского суда. М., 1876. С. 48.

региональными причинами. Основной из них являлся непрекращающийся конфликт между казачьим сословием и иногородними.

Что же касается второй причины для активизации общественного мнения среди местного населения, то она крылась в стремлении его значительной части ввести на территории Северного Кавказа суд с участием присяжных заседателей. Если в решении первого вопроса власть и общество не смогли объединить свои усилия из-за разных подходов к его решению и взглядов на сложившееся положение вещей, то относительно второго вопроса единодушие было полным.

Общественное мнение нашло отражение на страницах местной печати, где неоднократно поднимался вопрос о необходимости введения суда присяжных. Так, например, автор статьи «По поводу 25-летия введения судебных уставов Александра II в Кубанской области» П.Л. Быч, доказывая возможность организации суда присяжных, утверждал, что население Кубанской области едва ли уступает по своему составу и развитию Казанскому судебному округу, в котором уставы были введены в полном объеме еще в 1870 г., или Пермской губернии, где реформа была осуществлена в 1872 г. Автор другой статьи, посвященной вопросу о введении в Кубанской области суда присяжных, отмечал, что отсутствие земских учреждений не послужило препятствием к созданию суда присяжных в области Войска Донского в 1873 г. и в девяти западных губерниях в 1877 г.

Под давлением общественного мнения вопрос о введении суда присяжных в тех районах страны, где он продолжал отсутствовать, перестал быть темой безрезультатных обсуждений и споров на местах, получив статус общегосударственного.

Таблица 2

Сведения об осужденных по приговорам горских словесных судов в Кубанской и Терской областях в 1901 – 1915 гг.

Год	Кубанская область		Терская область	
	Число осужденных	На сколько душ приходится один осужденный	Число осужденных	На сколько душ приходится один осужденный
1901	651	Нет данных	1633	471
1902	838	Нет данных	2227	353
1903	521	Нет данных	1599	506
1904	1535	Нет данных	996	826
1905	1545	Нет данных	1061	792
1906	783	Нет данных	504	1717
1907	1078	Нет данных	496	1788
1908	826	Нет данных	678	843

Окончание таблицы 2

Год	Кубанская область		Терская область	
	Число осужденных	На сколько душ приходится один осужденный	Число осужденных	На сколько душ приходится один осужденный
1909	701	Нет данных	640	1437
1910	1097	Нет данных	472	1991
1911	750	Нет данных	612	1955
1912	1226	Нет данных	539	Нет данных
1913	426	Нет данных	618	Нет данных
1914	201	Нет данных	Нет данных	Нет данных
1915	103	Нет данных	Нет данных	Нет данных

На состоявшемся в конце 1894 г. совещании старших председателей и прокуроров судебных палат по поводу пересмотра судебного законодательства принявшие в нем участие высшие представители судебного ведомства подавляющим большинством голосов (18 против 2) высказали убеждение, что «современный суд присяжных не только является вполне удовлетворяющим своей цели, но и вообще представляет лучшую форму, какую можно только себе представить для разрешения большей части серьезных уголовных дел», особенно «в тех случаях, когда тяжкое обвинение связано с тонкими уликами, требующими житейской вдумчивости».

Вскоре после этого Николаю II был отправлен отчет начальника Кубанской области за 1899 г., в котором, в частности, наказной атаман Кубанского казачьего войска Я.Д. Малама высказал ряд соображений о необходимости введения в Кубанской области суда присяжных. Указав на то, что в течение 30 лет население области было лишено воздействия одного из «благодетельнейших начал» судебной реформы и приведя данные о незначительном процентном составе «инородческого и иноплеменного населения» (9,7%) и успехах народного образования (число грамотных войскового сословия составило 121 998 мужчин), Я.Д. Малама внес на рассмотрение императора предложение о введении в Кубанской области института присяжных заседателей, считая, что область «в культурном отношении и по составу населения представляется вполне созревшей к восприятию судебной реформы в полном объеме и содержит в населении элементы, вполне способные к отправлению обязанностей присяжных заседателей»[1].

Но в условиях контрреформ и наступившей политической реакции в стране этот вопрос ни в Кубанской области, ни в какой-либо дру-

[1] ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 1629. Л. 98, 99.

гой административно-территориальной единице Северного Кавказа, безусловно, не мог быть решен в пользу института присяжных заседателей. По словам современников, введение независимого гласного суда с присяжными было естественной необходимостью, вызванной всеми новыми порядками; но вместе с учреждением новых судов начались и пререкания между ними и административными властями[1]. Только к концу 1906 г. население области и губерний получило реальную возможность решения уголовных дел в окружном суде с участием присяжных заседателей.

И, наконец, третьей причиной активизации общественных настроений была сложная криминогенная обстановка на Кавказе. Еще с 80 – 90-х гг. XIX в. на Кавказе крайне остро стоял вопрос о разбоях и грабежах, большей частью возникавших в среде горского населения казачьих областей. Для решения этого вопроса на Кавказ был направлен генерал-лейтенант Дмитрий Скалон, который, изучив состояние судебной системы Северного Кавказа и Закавказья, в рапорте военному министру от 18 января 1899 г. указал, что раскрытая им картина суда поразила его своими мрачными красками. Край, по его мнению, был лишен правосудия, и последствия «этого зла» сказывались во всем. Причем разбойничество было только внешним его проявлением; гораздо серьезнее своими последствиями являлась упавшая и продолжавшая падать «нравственность населения»[2].

Такое поведение горцев объяснялось современниками, в первую очередь, обычаями и нравами местного населения: «Особый взгляд на кражу лошади, на похищение женщины и на убийство из засады: туземцы видят в этом не преступление, а в первых двух деяниях – только проявление удали и молодечества, а на убийство из мести смотрят как на непременную обязанность всякого родственника убитого; благодаря этому указанные виды преступлений чаще всего и наблюдаются в делах следователей»[3]. Однако причины этого крылись в значительной степени и в их экономическом положении. Ведь не секрет, что усиление административной власти и постоянное ухудшение экономических условий жизни горцев в связи с увеличением числа податей и их размером, которые приводили к обнищанию населения, способствовали увеличению преступности[4].

---

[1] ГАРФ. Ф. 569. Оп. 1. Д. 52.

[2] РГВИА. Ф. 330. Оп. 46. Д. 1209. Л. 32, 32 об.

[3] РГИА. Ф. 1485. Оп. 1 Д. 16. Л. 11 об.

[4] См.: *Цаликов А.Х.* К вопросу об искоренении грабежей и разбоев на Северном Кавказе // Утро гор. Общественно-политический, экономический и литературный альманах, посвященный жизни горцев Кавказа (Баку). 1910. № 1. С. 61.

Ситуация еще больше осложнилась в период революции 1905 – 1907 гг. Дошло до того, что население начало вершить над преступниками самосуды. Причем их число с каждым годом увеличивалось. Так, только на территории Кубанской области в 1905 г. число самосудов насчитывало лишь два случая, в 1906 г. – три, а в 1907 г. достигло 21[1].

Как следовало из сообщений начальника Кубанской области, в основе самосудов лежала озлобленность жителей против грабителей лошадей и скота[2]. Поэтому, ввиду непредсказуемости, единственное средство их предотвращения виделось в принятии мер к уменьшению (совершенное их прекращение признавалось местными властями невозможным) конокрадства и других видов воровства, а это возможно только при условии, что мировые судьи и судебные следователи стали бы избирать для «скотокрадов» более строгие меры пресечения, нежели выдача на поруки[3].

Надо признать, что выдача на поруки широко практиковалась мировыми судьями и судебными следователями, что приводило к новым совершениям преступлений теми же преступниками. Дело в том, что отданный на поруки вор до приговора суда успевал совершить еще множество краж, рассчитывая понести наказание по совокупности преступлений.

Население, напротив, старалось изолироваться от воров, для чего устраивало облавы и ночные засады, старясь задержать их на месте преступлений, чтобы изыскать возможность за очевидность преступления содержать грабителя под арестом впредь до решения суда. Убеждаясь, что судебная власть не идет навстречу желанию населения, последнее озлоблялось против воров-рецидивистов, и их негодование выливалось в самоуправство толпы над преступниками. Понадобилось неоднократное обращение местных властей к начальнику штаба Кавказского военного округа и в Министерство юстиции для того, чтобы изменить положение дел.

Рост преступности в начале XX в. (воровство, грабежи, разбои и т. д.) был вызван, прежде всего, экономическими трудностями. Одной из существенных причин ухудшения жизни местного населения стали результаты столыпинской реформы, в ходе которой быстрыми темпами шел процесс разорения сельской бедноты. Наряду с усилив-

---

[1] См.: Хронология важнейшим событиям и законоположениям, имеющим отношение к истории Кубанской области и Кубанского казачьего войска. Составитель действительный член Кубанского областного стат. комитета Шамрай В.С. Екатеринодар, 1911. С. 129, 131, 132, 134 – 136.

[2] ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 266. Л. 3.

[3] Там же. Ф. 660. Оп. 1. Д. 55, 56, 72.

шимся ростом числа иногородних в казачьих станицах это привело к обострению социальных противоречий.

Подводя итог, хотелось бы выразить надежду, что положительный опыт работы по поиску мер более эффективной борьбы с преступностью через постоянное внимание к деятельности правоохранительных органов будет иметь место и сегодня. Одним из ярких проявлений роста правовой культуры наших граждан служит возрожденный институт присяжных заседателей, посредством которого напрямую действует принцип волеизъявления общества при решении судьбы обвиняемого. В этой связи обращение к историко-правовому наследию нашей Родины должно пробудить интерес в обществе и к соответствующим животрепещущим проблемам современности.